

Если существует то место

расстояние

•

часовые
пояса

•

ограничения

Лебедева Виктория

2026

Виктория Лебедева

Если существует то место

«Автор»

2026

Лебедева В. А.

Если существует то место / В. А. Лебедева — «Автор», 2026

Что важнее: прожить дольше или прожить по-настоящему? Когда каждый день может стать последним, герои перестают бояться ошибок и начинают бояться только одного — не успеть сказать главное. Эта история не про болезнь и не про правила. Она про то, как в самом тёмном месте можно найти свет — если не бояться его зажечь.

© Лебедева В. А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1.	5
Глава 2.	9
Глава 3.	12
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Виктория Лебедева

Если существует то место

*«Смерть стоит того, чтобы жить,
любовь стоит того, чтобы ждать»*

В. Цой

Глава 1.

На момент, когда родители решили сменить врача и поехать в город на обследование, Нике было уже восемь лет. С самого рождения она часто болела, сильно кашляла и имела постоянные проблемы с желудком. Для местного врача небольшого поселка, где Ника проживала с мамой, она была самой частой пациенткой: спустя время ей уже автоматически ставили грипп или ОРЗ и выписывали сладкие и не очень сиропы от кашля, таблетки, ингаляции и прочие лекарства, которые только усугубляли состояние девочки.

Решение сменить врача и перевести Нику из местного медпункта в областную больницу принадлежало бабушке — именно она в основном и занималась воспитанием девочки. Мама всё время работала: старалась обеспечить дочке максимально комфортную жизнь, а потому львиная доля забот о маленькой рыжеволосой непоседе легла на бабушку. Та справлялась, хоть ей было и нелегко: Ника не давала ни минуты покоя — ни отдохнуть, ни заняться своими делами.

При всей своей неугомонности Ника оставалась очень добрым и весёлым ребёнком. Она без устали что-то придумывала, обо всём рассказывала, всё на свете хотела изучить, а смеялась так громко и заразительно, что даже от собственных шуток порой не могла остановиться.

День посещения нового врача запомнился Нике очень хорошо. Долгая поездка на автобусе, множество незнакомых лиц, большое здание детской больницы — всё это разительно отличалось от того места, куда её водили раньше. Внутри отделение выглядело куда новее и современнее, чем в родном посёлке.

В местной больнице давно стало привычным видеть на стенах пошарпанные рисунки и наклейки с персонажами «Союзмультфильма» — со временем они даже начали пугать, а потом прочно связались в памяти Ники с ожиданием у кабинета. В тесном коридорчике всегда толпилось множество людей, а рядом не умолкали крики и плач уставших от долгого ожидания детей.

Обстановка городской больницы кардинально отличалась от привычной, и для Ники почти каждая мелочь казалась удивительной. Она сразу заметила, что стены покрашены в мягкие пастельные тона, а поверх них лёгкими штрихами проступали миниатюрные узорчики — будто кто-то тихо украсил больницу, чтобы детям было не так страшно. Над дверью каждого кабинета висел экран: он показывал расписание приёма и помогал избежать споров в очередях. Благодаря этой системе людей в коридоре было заметно меньше — каждый знал точное время своей записи и приходил незадолго до приёма, чтобы занять место. Поэтому Нике с бабушкой не пришлось долго ждать.

Когда на экране высветилось число, совпадавшее с тем, что было напечатано на её талончике, Ника крепко сжала бабушкину руку и осторожно, шаг за шагом, прошла в кабинет врача.

Кабинет был светлым и достаточно просторным — в нём будто дышалось легче, чем в тесных комнатах привычной поселковой больницы. Там стояло два стола: один — для врача, другой — для медсестры. Для пациентов в кабинете стоял белый кожаный диванчик; на него

Ника села, вцепившись пальцами в край сиденья, и теперь смотрела на врача испуганными глазами, стараясь не шевелиться.

Врачом оказалась женщина средних лет — с добрым, но собранным лицом. Её голос звучал серьёзно и в то же время спокойно, будто она точно знала, как не напугать ребёнка и при этом ничего не упустить. Она задавала много вопросов бабушке — не торопясь, переспрашивала, уточняла даты и подробности, словно каждое слово было важным кусочком одной большой загадки. А потом что-то всё время записывала в компьютер: щёлкала клавишами, вглядывалась в экран, снова что-то печатала — и в этих размеренных движениях было что-то надёжное, как будто теперь кто-то наконец взялся разобраться во всём по порядку.

В процессе многочисленных осмотров и опросов Ника всё острее чувствовала, как в кабинете сгущается серьёзность. Вопросы врача не прекращались — они становились всё точнее, будто каждое новое слово должно было встать на своё место в невидимой цепочке. Доктор перебирала бумажки, раскладывала их ровными стопками, потом снова брала в руки, сверяла даты. А потом надолго уткнулась в медицинскую карту — читала её с самого начала, строчку за строчкой, не пропуская ни одной пометки, ни одного старого диагноза.

Долгие минуты шли, а врач всё изучала историю болезни Ники: листала карту, и в голове у неё складывалась не просто цепочка симптомов — целая история жизни ребёнка. «Восемь лет... Почти с рождения — кашель, проблемы с ЖКТ... Посёлок, местный врач, шаблонные диагнозы...» — она мысленно отмечала каждое совпадение и каждый тревожный маркер. Пальцы привычно выхватывали из текста главное: частоту обострений, реакцию на препараты, даты госпитализаций. «Сиропа, ингаляции, таблетки... И всё без чёткого диагноза. Неудивительно, что состояние только ухудшалось». Она хмурилась не от раздражения, а от досады: столько времени упущено, столько сил потрачено не туда. Но сейчас важно было не ругать прошлое, а собрать точную картину. «Нужно исключить одно, проверить другое, не пропустить редкую причину...» — в её голове уже выстраивался план обследований. Она подняла глаза, стараясь, чтобы взгляд был не строгим, а тёплым: теперь предстояло не просто лечить, а наконец услышать девочку и её семью.

Бабушка стояла чуть позади, крепко сжимая ремешок сумочки — так крепко, что пальцы слегка побелели. Она старалась дышать ровно, не выдавать того, как внутри всё сжимается от страха и усталости. «Только бы не напугать Нику... Только бы доктор всё поняла...» — эта мысль крутилась в голове, заглушая даже гул коридора за дверью. Она ловила каждое движение врача, каждую паузу между вопросами. Когда доктор снова уткнулась в карту, бабушка едва заметно кивала, будто этим молчаливым согласием могла помочь, могла подтолкнуть к правильному выводу. Ей хотелось сказать: «Мы столько лет ходили по кругу, никто не слушал, а вы сейчас читаете, будто каждая строчка для вас важна». Но она молчала, лишь изредка поглядывала на Нику — на её напряжённые плечи, на пальцы, вцепившиеся в край диванчика. И когда врач наконец подняла глаза и мягко улыбнулась, бабушка почувствовала, как из груди будто выходит застрявший воздух: может быть, теперь всё будет по-другому.

Врач наконец подняла глаза, мягко улыбнулась Нике — и подошла, чтобы осмотреть девочку уже не сквозь сухие записи, а по-настоящему: спокойно, внимательно, без суеты. Провела тёплыми пальцами по лбу, будто проверяя не только температуру, а ещё и то, насколько ребёнок напуган. Послушала дыхание, попросила глубоко вдохнуть, потом выдохнуть — и всё это говорила ровным, неторопливым голосом, словно между делом рассказывала сказку. Потом аккуратно осмотрела горло, попросила показать язык, потрогала живот — не резко, а так, будто старалась сделать даже эти привычные движения как можно бережнее.

Ника не очень понимала, какие выводы были сделаны после осмотра, но по тому, как чуть нахмурились брови врача и как голос стал чуть тише, будто она старалась не расплескать слова, девочка почувствовала: всё не очень хорошо. Не так, как раньше, когда ей просто выписывали сироп и говорили «попей, полегчает». Сейчас в воздухе висело что-то важное, тяжёлое, и Ника

крепче сжала кулачки, будто могла удержать этим напряжением всё, что сейчас решалось в кабинете.

Когда осмотр закончился, врач снова улыбнулась — на этот раз чуть напряжённее, как будто сама подбирала улыбку по размеру, чтобы она не показалась слишком большой или слишком маленькой. Нику попросили выйти и подождать в коридоре, а бабушку оставили в кабинете для личного разговора. Девочка послушно встала, бросила короткий взгляд на бабушку — та кивнула, стараясь выглядеть спокойной, но в глазах мелькнуло что-то такое, от чего у Ники ёкнуло сердце. Она вышла в коридор, где пахло антисептиком и чуть слышно гудел тот самый экран над дверью, и села на жёсткую скамейку, обняв себя за плечи. Теперь оставалось только ждать — и надеяться, что за закрытой дверью взрослые сумеют разобраться и всё исправят.

Когда бабушка вышла из кабинета, её лицо было напряжённым, а в глазах читалась тревога, которую она изо всех сил пыталась спрятать. Ника тут же подскочила со скамейки — будто одно резкое движение могло стряхнуть весь этот тяжёлый, липкий страх, висевший в воздухе.

— Бабушка, что там сказали? Мы можем ехать домой? — спросила она, и голос её дрогнул, хоть она и старалась говорить как взрослая, спокойно. Ей отчаянно хотелось, чтобы всё оказалось просто долгой путаницей, чтобы сейчас бабушка улыбнулась и сказала: «Всё в порядке, пойдём».

— Мы пока не можем поехать домой, — тихо ответила бабушка, опустив взгляд на свои сцепленные пальцы, будто там, в переплетении вен и морщин, можно было найти нужные слова. — Сейчас нам нужно сдать анализы и пройти ещё врачей. Не переживай, я тебе потом всё расскажу.

Ника нахмурилась. «Потом» звучало как стена — высокая и глухая. Она не хотела «потом». Она хотела знать прямо сейчас, потому что неизвестность пугала куда сильнее любых слов.

— Расскажи, о чём вы говорили с врачом и почему я не могла остаться и послушать? — настойчиво спросила она, чуть подавшись вперёд. В этот момент ей казалось особенно важным доказать, что она уже достаточно взрослая, чтобы слышать правду, а не сидеть в коридоре, глотая слёзы и притворяясь, что не боится. — Я ведь имею право знать, что со мной.

Бабушка подняла на неё глаза — и в них мелькнуло что-то такое, от чего у Ники сжалось сердце: не злость, не раздражение, а глубокая, тяжёлая усталость, смешанная с желанием защитить.

— Мы звонили твоей маме, — мягко, но твёрдо сказала бабушка. — Врач хотела поговорить с ней. — После того как мы сдадим все анализы, тебе всё расскажут, если предположение врача окажется верным.

Эти слова повисли между ними, как холодная завеса. «Если окажется верным» ... Значит, уже есть какое-то страшное предположение, которое пока нельзя произносить вслух. Ника хотела ещё что-то спросить, но язык будто прилип к нёбу, а в горле встал колючий комок.

И день потянулся дальше — долгий, серый, наполненный бегом по кабинетам. Они ходили от одного врача к другому, сдавали анализы, которые для Ники были непонятными и странными: в первую очередь их направили на потовую пробу: процедура была нестрашной, но долгой.

Дальше, когда у Ники брали кровь или просили сделать что-то новое, бабушка крепко держала её за руку и шептала: «Ты молодец, ещё чуть-чуть, и всё закончится».

Они пробыли в больнице до самого вечера. Коридоры постепенно пустели, лампы горели уже не так ярко, а воздух становился гуще от усталости. И только когда последние бланки были заполнены, а результаты собраны, картина наконец сложилась.

Диагноз прозвучал тихо, почти буднично, среди бумаг и печатей, но для них он стал точкой, разделившей жизнь на «до» и «после»: кистозный фиброз — то же, что муковисцидоз. Болезнь, которую обычно выявляют ещё при рождении, у Ники долго пряталась за привычными диагнозами и стандартными назначениями. Теперь же всё обретало смысл: и бесконечные простуды, и проблемы с желудком, и усталость, которая будто въелась в каждую клеточку её тела.

В городской больнице с этим диагнозом ранее не сталкивались — местные врачи честно признались, что не смогут выстроить грамотное лечение. Поэтому Нику сразу направили в другой город — в специализированное отделение «Кистозного фиброза», где знали, как обращаться с такой непростой болезнью.

С этого момента привычная жизнь Ники сильно изменилась. Теперь каждый её день начинался и заканчивался строго по расписанию: таблетки, ферменты, ингаляции — всё по часам, без пропусков. Каждые полгода они с мамой садились на поезд и ехали в больницу: долгие часы в купе, стук колёс, за окном — мелькание лесов и станций. Ника уже знала, что в эти дни нельзя капризничать: мама и так уставала, стараясь успеть и билеты взять, и сумку собрать, и не забыть ни одну из десятков коробочек с лекарствами.

Постепенно она привыкала к мысли, что вся её жизнь теперь будет завязана на больницах, назначениях, капельницах и бесконечных вопросах врачей: «Как ты себя чувствуешь? Что болит? Сколько раз кашляла ночью?» Сначала это пугало — казалось, что болезнь отнимает у неё детство. Потом пришло другое чувство: не обречённость, а ответственность. Ника понимала, что с возрастом ей может становиться только сложнее, но твёрдо решила: она не будет себя жалеть. Не станет прятаться за словами «мне плохо» и опускать руки. Она старалась делать всё, чтобы жить как обычный человек: учиться, смеяться, придумывать истории, а когда становилось тяжело — просто напоминать себе: «Это не про меня. Это про моё тело. А я — это не только болезнь».

И в этом тихом, упрямом «я буду жить» было столько силы, что даже строгие графики приёма лекарств и пугающие поездки в больницу казались не концом, а просто частью маршрута — длинного, непростого, но такого важного.

Глава 2.

У Сава была достаточно лёгкая форма кистозного фиброза — но это вовсе не значило, что можно махнуть на болезнь рукой. Как и большинству ребят с таким диагнозом, ему каждый день приходилось пить таблетки, делать ингаляции, а время от времени приезжать на обследование в отделение «Кистозного фиброза». Просто его болезнь текла спокойнее: ежедневной терапии хватало, чтобы держать состояние под контролем, не давая ей вырваться вперёд. Обострения случались редко, переносились легко и не оставляли после себя тяжёлого следа.

Сава это понимал, а потому в обычной жизни почти не замечал своей болезни. Она не кричала о себе, не мешала дышать, не срывала планы — и оттого будто растворялась среди школьных дней, прогулок, разговоров с друзьями. Иногда ему казалось, что он вообще ничем не отличается от остальных.

Возможно, так получалось ещё и потому, что почти ничего не приходилось делать самому. За этим неусыпно следила мама. Каждое утро она готовила ингаляцию, выкладывала на салфетку нужные таблетки, проверяла, чтобы сын не пропустил ни одной. Следила и за тем, чтобы он не отлынивал от дренажей и дыхательной гимнастики — не из строгости, а из той самой тихой, упрямой заботы, которая не даёт болезни ни малейшего шанса. И Сава не спорил: не потому, что боялся, а потому, что видел, как у мамы чуть-чуть разглаживаются морщинки, когда он послушно садится делать упражнения, и понимал — это её способ держать мир в равновесии.

Кистозный фиброз ему поставили сразу после рождения — ещё в роддоме, когда первые дни жизни должны были быть наполнены только тихим счастьем, а вместо этого принесли тревожные слова и холодные взгляды врачей. Местные доктора сумели распознать болезнь — но на этом их знания и заканчивались. Они пробовали разные схемы, хватались за привычные назначения, делали всё по наитию... и именно эти ошибки, рождённые не злобой, а растерянностью, оставили свой след: первые месяцы жизни Сава стали чередой срывов, ухудшений, беспомощных попыток удержать хоть какое-то равновесие.

Мама всё это видела. Видела, как сын слабеет, как его дыхание становится тяжелее, как каждый день превращается в борьбу с невидимым врагом, которого никто толком не умел побеждать. И уже тогда, стоя у кровати в полутёмной палате, она твёрдо решила: так продолжаться не может. Нужно найти того, кто знает, как с этим жить и как лечить.

Она изучила десятки больниц в ближайших городах, листала сайты, звонила, просила, умоляла о консультации — но везде слышала одно и то же: «У нас нет специалистов по кистозному фиброзу». Каждый отказ звучал как удар, но она не сдавалась. Дни сливались в сплошную цепочку поисков: форумы, чаты родителей, старые статьи, контакты врачей, которые могли хотя бы подсказать, куда двигаться дальше.

И наконец нашла. Единственную в стране больницу с отделением «Кистозного фиброза». Она находилась в пяти тысячах километров — так далеко, что даже само расстояние казалось приговором: как туда добираться, как выйти на врача, как все спланировать? Но мама смотрела на сына и понимала: километры — это просто цифры. А шанс на нормальную жизнь — бесценен.

Первая поездка далась тяжело: долгие пересадки, бессонные ночи в вокзальных залах ожидания, страх перед неизвестностью и одновременно — надежда, которая, как слабый огонёк, не давала погаснуть. В отделении всё было иначе: не растерянность, а уверенность, не попытки угадать, а чёткие назначения, не «может быть», а «мы знаем, что делать». Саве начали давать именно те препараты, которые были нужны, в тех дозах, которые действительно работали.

И болезнь будто прислушалась к этой уверенности. Она не исчезла, не растворилась в воздухе — но перестала быть беспощадным штормом, превратившись в ровное, контролируемое течение. Благодаря тому, что правильное лечение началось не слишком поздно, состояние Савы стабилизировалось. Обострения случались редко, переносились легко, не оставляли после себя тяжёлого шлейфа слабости. Он рос, дышал, учился, смеялся — и болезнь становилась не центром его жизни, а чем-то, что нужно просто учитывать, как прогноз погоды: да, дождь возможен, но у него есть зонт.

Обычно больницу они с мамой посещали каждое лето — сразу после начала каникул, чтобы не прерывать учёбу. И это было не просто «съездить к врачу», а целая экспедиция: с учётом дороги поездка получалась очень долгой. Мама не любила зря тратить время, поэтому всё планировала до мелочей — как по военному расписанию, только вместо приказов были тёплые, ободряющие слова и заботливые напоминания.

Они жили в самом западном районе страны, и путь до больницы сам по себе занимал несколько дней. Поэтому мама превратила эту необходимость в продуманный маршрут: сначала — в отделение, на плановый осмотр и коррекцию терапии, а уже после выписки — маленькая награда за терпение. Они навещали бабушку, у которой в доме пахло свежей выпечкой и старыми книгами, или, если хватало сил и настроения, ехали через городской аэропорт к морю.

Для Савы эти поездки давно стали привычным ритмом лета. Он знал: вот сейчас будет больница — строгие белые коридоры, знакомые врачи, ингаляции, анализы, разговоры про дыхание и ферменты. Это не радовало, но и не пугало: он уже понимал, что это просто обязательный пункт, как чистка зубов по утрам. Зато следом шло самое приятное — бабушка с её бесконечными историями или море, где можно было забыть про все графики и просто слушать, как волны шепчут что-то своё, вечное.

Мама всё это выстраивала так, чтобы в каждом дне находилось место и для важного, и для хорошего. Пока они добирались до больницы, она доставала термос с чаем, раскладывала бутерброды, включала аудиокнигу — и даже в долгом ожидании на вокзале мир будто становился уютнее. А когда Сава ворчал, что опять надо ехать, она спокойно отвечала: «Сначала сделаем то, что обязательно. А потом — то, что хочется». И в этих словах была не строгость, а тихая уверенность: они справятся, успеют, не потеряют ни одного важного кусочка жизни.

Вот и сегодня, 3 июня, мама подошла к Саве и сказала, что скоро они в очередной раз отправляются в больницу.

Сава даже не стал ничего отвечать — только чуть насупился и отвернулся к окну, будто там, за стеклом, можно было спрятаться от этого разговора. В груди ворочалось тяжёлое, колющее «не хочу», но он привычно прикусил язык. С родителями он почти никогда не спорил: знал по опыту, что это бесполезно. Всё равно сделают так, как решили, а его просто поставят перед фактом.

— Зачем нам вообще туда ездить? У меня всё хорошо, — крутилось у него в голове, царапая изнутри. — Могли бы хоть этим летом остаться дома. Все друзья будут гулять, болтать, ходить на речку, строить шалаши во дворе... А я опять приеду только в конце августа, когда уже нужно будет идти в школу. И получится, что я вообще никакого лета не увижу. Надоело.

Мама будто почувствовала это молчание — не злое, не упрямое, а усталое, выжатое из него годами одних и тех же поездок. Она присела рядом на край кровати, не стала торопить, не стала давить словами «ты же знаешь, это надо». Просто тихо сказала:

— Знаю, что не хочется. Знаю, что лето — это про друзей и про свободу, а не про больницы. Но нам нужно съездить, проверить, как твои лёгкие, подкорректировать лекарства. Потом — сразу к бабушке на неделю, далее отдохнем на море и с новыми силами поедem домой - я уже взяла билеты.

Сава не ответил сразу. Он всё ещё смотрел в окно, где по стеклу медленно полз одинокий жук, будто тоже искал выход. Но в груди потихоньку становилось чуть тише. Не потому, что

вдруг захотелось в больницу, а потому, что мама не отмахнулась от его обиды, не сказала «не выдумывай», а признала: да, это тяжело, да, это отнимает лето.

Наконец он чуть пожал плечами и буркнул, стараясь, чтобы голос звучал не слишком обиженно:

— Ладно... Только я хочу успеть хоть немного побыть с ребятами до отъезда.

Мама улыбнулась — не широко, а так, чтобы улыбка получилась тихой и надёжной, как обещание:

— Договорились. Соберёмся не спеша, а до отъезда ещё есть пара дней. Можешь позвать кого-нибудь из друзей во двор, пусть посидят с тобой.

Сава кивнул, и это «договорились» прозвучало почти как мирный договор. Не то чтобы ему вдруг стало радостно от предстоящей поездки, но теперь она уже не казалась сплошной чёрной полосой, перечёркивающей всё лето. В ней появились маленькие светлые кусочки: поездка к бабушке, море... И главное — мама, которая не делала вид, что его грусть не имеет значения.

Сава не поддерживал эту семейную традицию — каждый год летом обязательно куда-нибудь уезжать. С самого детства его таскали то на море, то в гости к друзьям родителей, и за годы этих «счастливых отпусков» у него внутри всё давно устало от вокзалов, чемоданов и чужих домов, где надо вести себя прилично и не шуметь. Ему уже ничего не хотелось: ни новых мест, ни обязательных радостей. Хотелось просто своего привычного лета — спокойного, домашнего, без расписаний.

Но он знал, что спорить бесполезно. Взрослые всё равно сделают по-своему. Поэтому Сава молча достал свой чемодан на колёсиках — тот самый, с потёртым боком и упрямым левым колесом, которое вечно норовило ехать вбок. И принялся собирать вещи. Не потому, что хотел, а потому, что так надо: если хоть немного поучаствовать, потом не придётся слушать «а я же говорила, что ты забудешь».

Он уже набил руку на таких сборах: знал, сколько примерно можно взять, чтобы чемодан прошёл по весу в самолёте. В первую очередь — самое важное для него: ноутбук, наушники, мышка. Аккуратно уложил, пристроил, чтобы ничего не сломалось в дороге. А сверху, почти не глядя, закинул те вещи, которые выложила мама: футболку, шорты, пижаму... Он точно знал: всё остальное она всё равно доложит сама, перепроверит трижды, а потом ещё на пороге дома откроет чемодан и что-нибудь добавит «на всякий случай». Поэтому Сава даже не переживал, что может что-то забыть. За него об этом всегда переживала мама.

Когда с вещами было покончено, он не стал носиться по дому, не стал проверять, всё ли на месте. Просто сел на край кровати, потом и вовсе лёг, уставившись в знакомый потолок с маленьким пятнышком от старой протечки — будто это пятно было якорем, державшим его в этом доме, в этом лете, в этой нормальной жизни.

«Сидел бы себе дома всё лето, — думал он, сжимая пальцами край одеяла. — Играл бы с интернет-друзьями, спокойно, без спешки. А по вечерам выходил бы во двор, просто подышать, посмотреть, как солнце садится за гаражи, как ребята болтают у подъезда..., мог бы каждый день есть мамины оладьи, а не бутерброды на вокзале. Мог бы вообще никуда не спешить».

В груди снова поднималось это тихое, упрямое «не хочу». Не злое, не бунтарское — просто очень уставшее. Но рядом уже слышались мамины шаги на кухне, звон чашек, шуршание пакетов — она тоже начинала собираться, только по-своему, по-взрослому. И Сава понимал: чемодан уже стоит у двери, билеты куплены, а значит, лето будет не таким, как хочется, а таким, как надо.

Глава 3.

Сейчас пять утра, за окном — июнь. Ника открывает глаза и тихо радуется: ночь, которая тянулась невыносимо долго, наконец сменилась утром. И это значит, что долгожданный день настал — сегодня они едут в больницу. От предвкушения внутри всё дрожит, как натянутая струна, и Ника понимает: уснуть больше не получится, да и не хочется.

Она спрыгивает с кровати, не чувствуя холода пола, и вдруг, поддавшись этому бодрому порыву, начинает утреннюю зарядку — ту самую, которую делает крайне редко, только когда внутри загорается особенно сильное желание двигаться, будто нужно выплеснуть вперёд всю накопившуюся энергию. Потом быстро завтракает, почти не замечая вкуса, потому что мысли уже далеко — в дороге, в коридорах отделения, в тех двух неделях, которые скоро станут её главными воспоминаниями о лете.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.